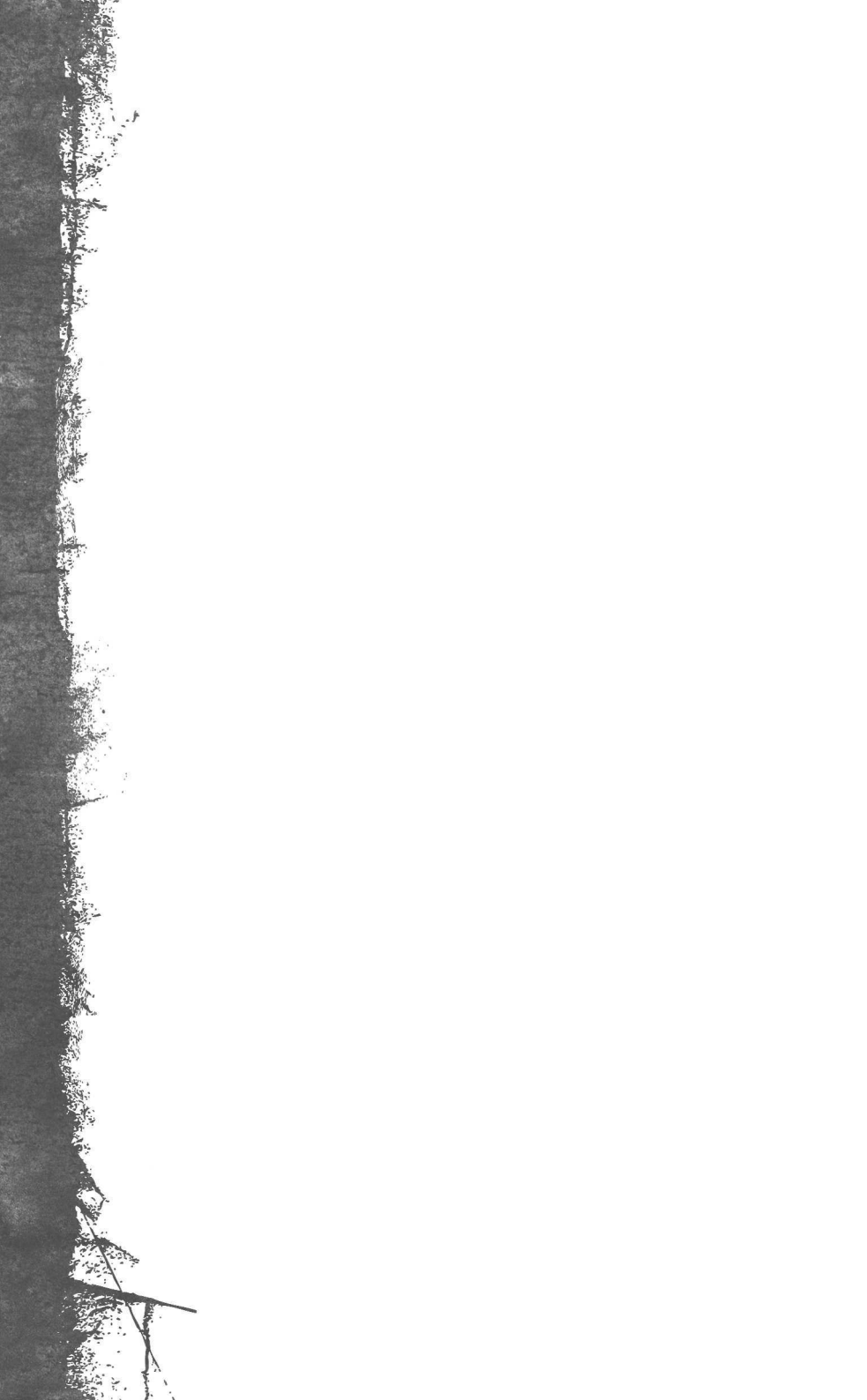

*Посвящается Каре.
Снова*

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Перед вами — художественное произведение, дань уважения моему родному городу и моей страсти к жанру криминальной документалистики, тру-крайм. По всей книге разбросаны картинки из жизни, по большей части вдохновленные моей личной историей; однако есть и события, а также реальные люди, места и печатные издания, которые художественно переосмыслены таким образом, чтобы придать больше жизненности повествованию. Прочие же имена, герои, места, издания и события полностью порождены моим воображением — не самой, признаюсь, приятной вещью на свете.

Джеймс Реннер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я пишу о серийных убийствах. Первый опыт я приобрел во «Фри таймс», в Кливленде, работая журналистом-расследователем в те дни, когда на западе города начали пропадать молодые женщины. Все понимали, что убийца прячется среди нас, но обнаружить его не получалось. Я провел целый месяц, расследуя дела Аманды Берри и Джини ДеХесус — жертв маньяка. В главных подозреваемых ходил бывший дружок Аманды, однако доказательств у полиции не было. А потом однажды, в две тысячи тринадцатом году, отведя сынишку в спортзал, я получил сообщение от своего информатора в Управлении полиции Кливленда: «Аманда и Джина только что вышли из одного дома в Вест-Сайде. Там же находится третья жертва». К концу дня Ариэля Кастро задержали. Просматривая свои записи с самого начала, я обнаружил имя Кастро — его дочь последней видела Джину ДеХесус. Когда Джина пропала, главред попросил не интервьюировать девочку — она была еще несовершеннолетней. Остается только догадываться, как все пошло бы, не послушай я начальство.

Тем летом, когда взяли Кастро, я возил семью в Оушн-Сити, штат Мэриленд, в отпуск. Мне требовался отдых; я собирался почитать Стивена Кинга и Джона Ирвинга, пока дети на пляже ваяют замки из песка. В квартире, которую мы сняли, стоял обеденный стол с расшатанными ножками; это бесило, и уже на второй день я был готов заняться починкой. Я осмотрел хозяйские книжные полки в поисках чего-нибудь подходящего по размеру и там случайно наткнулся на поблекшую под солнцем обложку «Охоты на Бугимена» — документальный детектив Ричарда Чизмара. Едва начав листать книгу, я начисто забыл про расшатанный стол. К обеду я не мог думать уже ни о чем, кроме подробностей, которыми изобиловала книга, и чудовищных нераскрытых убийствах, потрясших Эджвуд в семьдесят восьмом году.

Когда мы уезжали, «Бугимена» я прихватил с собой. Спорить не стану, это воровство; однако мой аргумент таков: быть украденной для книги лучше, чем подпирать стол. Вернувшись домой, я полез в интернет — искал, поймали ли убийцу, но мне подвернулись лишь старые статьи на портале «Лексис-Нексис». За последние десять лет никаких обновлений. Зато я с удивлением узнал, что Чизмар превратился в книгоиздателя, да какого: Стивена Кинга публикует! У меня со студенческих лет заваялся номер его журнальчика «Кладбищенский танец», и там, на странице со всеми данными, обнаружилась контактная информация.

Спонтанно возникло желание написать ему, и я отправил Чизмару вопрос по электронной почте: «Есть ли новости по загадке Бугимена?» Я сфотографировал обложку стыренной книжки и приложил фото к письму вместе с номером телефона. Через пять минут раздал-

ся звонок. Это был Чиз. Мы часа два или три проговорили о тех убийствах. Прошло двадцать с лишним лет, а он помнил каждую деталь, каждого свидетеля, с которым общался. Ясно было, что Чизмар по-прежнему одержим расследованием. Тогда же возникла идея: написать очерк о его поисках преступника в юные годы. Однако помешали другие дела и новые истории.

И вот наступило сентябрьское утро две тысячи девятнадцатого года, когда я увидел: весь «Твиттер» заполонен темой «Бугимена». Переходя по ссылке, я убеждал себя, что увижу рекламу нового фильма ужасов. И открыл новости об убийствах в Эджвуде. У меня прямо-таки земля ушла из-под ног при виде имени человека, арестованного полицией. Такого я ожидать никак не мог.

Чизмар не ответил на мой звонок ни в тот день, ни до конца недели. Дополнительные сведения я получал из «Вашингтон пост» — читая новости, что публиковала Карли Олбрайт. В воздухе витала атмосфера всеобщего облегчения — казалось, его можно потрогать. Так же было, когда арестовали «убийцу из Золотого штата»¹. Когда вопреки всем трудностям чудовище поймано, возникает ощущение чуда. Толкин даже слово для этого придумал — «эвкатастрофа»², то есть катастрофа наоборот.

Я долго ждал от Ричарда Чизмара слов, которые поставили бы точку в этом деле. Узнав, что он и в самом

¹Золотой штат — официальное прозвище Калифорнии; имеется в виду серийный насильник и убийца Джозеф Деанджело, действовавший в 1970-80-х гг. и пойманный в 2018 г. благодаря онлайн-базе для генеалогических исследований по ДНК.

²Греческая приставка «эв» («эу», «ев») означает «хорошее», «благое», «нормальное».

деле проинтервьюировал убийцу в тюрьме, я жаждал услышать, что же он выяснил. Поэтому для меня большая честь написать вступительное слово к долгожданному финальному изданию его книги.

Если меня чему-то и научил опыт Чизмара, так это тому, что терпение и надежда побеждают зло и безразличие. Почти всегда. Надеюсь, вы согласны.

3 марта 2019

Джеймс Реннер — автор книги «Фанат документального детектива», спорной книги об исчезновении Моры Мюррей, а также романа «Человек с Примроуз-лейн». Совсем недавно вышел его новый роман — «Муза». Джеймс начинал репортером в Кливленде, специализировался на журналистских расследованиях. В настоящее время он ведет подкаст «Философия преступления».

Вступление

«ЧТО ЗА ЗВЕРЬ ТАКОЕ ВЫТВОРИТ?»

Когда я взялся собирать газетные статьи и вырезать заметки о трагических событиях, произошедших в моем родном Эджвуде, штат Мэриленд, летом и осенью восемьдесят восьмого года, я и в мыслях не держал писать полноценную большую книгу на основе этих разрозненных наблюдений.

Возможно, что-то засевшее в глубинах подсознания нашептывало: заметки эти перерастут в нечто стоящее... Впрочем, Рич Чизмар, двадцатидвухлетний юнец, погруживший однажды в начале июня нехитрые пожитки (в частности, любимый компьютер «Эпл Макинтош», за который по сей день приходится выплачивать ежемесячные взносы) в замызганную бурую «Тойоту Короллу» и отправившийся на север по Девяносто пятому федеральному шоссе к отчому дому, об этом и не догадывался. Знал я лишь одно: за три дня до того в нескольких кварталах от места, где я вырос, посреди ночи из собственной постели вытащили молоденькую девчонку. А на следующее утро ее растерзанное тело обнаружили в лесу неподалеку. Подозреваемых у местной полиции не было.

Поначалу репортеры, соблюдая приличия, деликатно не сообщали о том, в каком состоянии нашли труп. Но харфордский шериф приходился родным дядей одному моему старинному другу, он-то и вывалил все тошнотворные подробности.

— Господи, Рич, что за зверь такое вытворяет? — спросил меня этот самый знакомый, словно давний интерес ко всему жуткому дал мне право считаться неким экспертом по девиантному поведению и психическим отклонениям.

В тот день мне нечего было ему ответить, да и сейчас, более чем год спустя, сказать нечего. Можете считать меня наивным, но есть вещи за пределами нашего понимания. В жизни — да и в смерти — многое остается тайным.

Когда мы с отцом говорили по телефону накануне моего возвращения домой, он, как обычно, был спокоен. Волновало его лишь одно: чего бы вкусенького мне хотелось на обед в день приезда. Он хотел заранее купить продуктов в войсковом буфете своей части. Однако мама места себе не находила.

— Мы знакомы с Галлахерами уже двадцать лет, — причитала она дрожащим от захлестнувших эмоций голосом. — Они переехали сюда вскоре после нас. Джош только-только ходить научился, а бедняжка Наташа еще не родилась. Ты поговори с Джошем, когда домой вернешься. И вообразить не могу, какво это: потерять младшую сестренку!.. Пойдешь с нами на похороны? Вы ведь с Джошем учились вместе, да?

Я заверил ее, что тоже не могу вообразить, какво это — потерять младшую сестренку (то, что я — младший из Чизмаров, а посему младшей сестренки у меня

нет, никакой роли не играло), и да, конечно, на похороны я пойду, и да, конечно, мы с Джошем и в самом деле учились вместе, хотя и не то чтобы дружили — тусовались порознь.

Уже тогда, в относительно юные годы, я пошел своим путем, а моя семья оставалась верной католицизму — особенно мама. Если окружающий ее мир страдал — от смертоносного землетрясения в Азии, потопа в Южной Америке или, там, у внучатого племянника обнаруживался неизлечимый рак, — мама сострадала каждому нуждающемуся. В этом она вся.

У мамы уже и дыхание сбилось — говорить устала, однако взялась за новую тему: как они с Нормой Джентил, нашей соседкой, каждое утро прошедшей недели ходили на мессу и молились за всех Галлахеров. А еще сходили к ним с соболезнованиями, жареной курицей домашнего приготовления и капустным салатом.

На заднем плане слышался приглушенный голос отца: он распекал маму за то, что долго держит меня у телефона. Мама в ответ огрызнулась:

— А ну, цыц!

Вернувшись к разговору со мной, она извинилась, что так сильно расстроена, и за то, что уже все уши мне прожужжала; заявила, что ничего подобного в Эджвуде в жизни не происходило. Не успел я хоть что-то ответить, как мама пожелала мне спокойной ночи и повесила трубку.

Когда на следующий день к вечеру я сворачивал на своей перегруженной «Тойоте» с Девяносто пятого шоссе на Хансон-роуд, репортерша на радио почти слово в слово вторила маме. В городках, подобных Эджвуду,